

*А. Н. Муравьев**

ГЕГЕЛЬ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Статья посвящена оценкам философского наследия Гегеля в произведениях отечественных исследователей, работавших в советский и постсоветский периоды истории нашей страны. Прежде всего автор статьи рассматривает отношение к вкладу Гегеля в развитие философии и логического метода со стороны Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина, поскольку их установки так или иначе определили то, что делалось в указанные периоды. Кроме того, он уделяет внимание борьбе за и против включения гегелевского наследия в состав марксистско-ленинской теории во второй половине 1920-х и в 1930-х гг. В центре статьи находится самый плодотворный период освоения системы и метода Гегеля в СССР, длившийся с конца 1950-х до конца 1980-х гг. Автор выделяет четыре различных вида работ, написанных в этот период. К первому виду принадлежат работы, знакомящие читателя с содержанием учения Гегеля, ко второму — критикующие это содержание или относящиеся к нему академически-нейтрально, к третьему — работы, использующие его методический потенциал для дальнейшей разработки коммунистического мировоззрения, к четвертому — продолжающие дело логической философии, начатое Гегелем в конце исторического развития классической философской мысли. После обзора наиболее значительных работ всех этих видов автор переходит к работам постсоветского периода, а заканчивает статью сравнительной характеристикой судьбы наследия Гегеля в России и в западной философской культуре XX–XXI вв.

Ключевые слова: Гегель, Россия, марксизм, ленинизм, диалектика, логический метод, история философии.

* Муравьев Андрей Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета; muravyovan@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00506 «Гегель: pro et contra. История и современность российских и зарубежных рефлексий и интерпретаций».

The article is devoted to assessments of the philosophical heritage of Hegel in the works of domestic researchers who worked in the Soviet and post-Soviet periods of the history of our country. First of all, the author of the article examines the attitude of Marx, Engels, Plekhanov and Lenin to the contribution of Hegel to the development of philosophy and logical method, since their attitudes somehow determined what was done in these periods. In addition, he pays attention to the struggle for and against the inclusion of the Hegelian heritage in the Marxist-Leninist theory in the second half of the 1920s and in the 1930s. The article focuses on the most fruitful period of mastering the Hegel system and method in the USSR, which lasted from the late 1950s to the late 1980s. The author identifies four different types of works written during this period. The first type includes works that introduce the reader to the content of Hegel's teaching, the second — criticizing this content or relating to it academically neutral, the third — works that use his methodological potential for further development of the communist worldview, the fourth — continuing the work of logical philosophy, which Hegel began at the end of the historical development of classical philosophical thought. After reviewing the most significant works of all these types, the author proceeds to the works of the post-Soviet period and ends the article with a comparative description of the fate of Hegel's legacy in Russia and in the Western philosophical culture of the XX–XXI centuries.

Keywords: Hegel, Russia, Marxism, Leninism, dialectics, logical method, history of philosophy.

Победа в Отечественной войне 1812 г. и последовавший за нею триумфальный выход России на мировую историческую арену заметно ускорили процесс формирования национального самосознания русского народа, что уже к концу 1830-х гг. вызвало у представителей его образованных сословий (преимущественно дворянства и духовенства) весьма энергичный интерес к учению Гегеля. Русская мысль, справедливо утверждает И. А. Батракова, активно искала «ту философию, которая отвечала бы насущным потребностям страны, и она нашла ее в гегелевской философии» [1, с. 129], поначалу, заметим, сосредоточив свое внимание исключительно на ней. Марксизм, выросший из колыбели немецкого, в т. ч. гегелевского, идеализма и перенявший от него положительное отношение к целому истории философии, принес с собой иной подход к философскому наследию Гегеля, альтернативный тому отношению, которое было тогда свойственно русским и до сих пор доминирует на Западе, порождая там интеллектуальные настроения антигегелевской или, реже, прогегелевской ориентации. Наиболее выразительно этот взгляд на гегелевскую систему, видящий в ней не обособленный философский феномен, чье значение можно произвольно принимать или отвергать, а необходимый итог всей истории классической философской мысли, начатой древними греками и требующей освоения как единое целое вместе с ее итогом, дал себя знать в советской России. Поэтому прежде, чем приступить к обозрению разнообразных плодов, созревших на почве такого подхода в советской и постсоветской философской культуре, следует рассмотреть, как отнеслись к вкладу Г. В. Ф. Гегеля в развитие философии и других наук К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов и В. И. Ленин.

В послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», написанном в начале 1873 г., Маркс публично признал свой диалектический метод производным от метода Гегеля, а себя — учеником этого великого мыслителя.

Его главное достижение состояло, по Марксу, в том, что, превратив процесс человеческого мышления под именем абсолютной идеи в самостоятельный субъект, который как свое внешнее явление создает объективную действительность мира, Гегель первый сознательным и исчерпывающим способом изложил всеобщие законы диалектики. Ради спасения истинного содержания идеалистической формы метода, искажающей, по его убеждению, реальное отношение мышления к бытию, Маркс перевернул гегелевскую диалектику с головы на ноги, т. е. поставил ее на материалистическую основу, отчего идеальное выступило у него не демиургом действительного, но, напротив, отражением материального в мышлении человека. Около тридцати лет назад гегелевский идеализм был даже немецкой модой, напомнил Маркс, т. к. многим казалось, будто он увековечивает существующее положение дел. Однако в своем рациональном, материалистическом виде, освобожденном от той мистической оболочки, в которой ее открыл Гегель, диалектика, в сущности, революционна и ни перед чем не преклоняется. Поэтому диалектический материализм понимает действительность в непрестанном потоке развития, несущем как утверждение, так и отрицание своих моментов, отчего любое ее ставшее состояние по необходимости является преходящим — раньше или позже отходит в прошлое, сменяясь другим, более развитым.

В полемической работе «Анти-Дюринг (Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом)», изданной в 1878 г., Энгельс развернул эту краткую критическую оценку метода Гегеля как философской предпосылки диалектического материализма и изложил свою одобренную Марксом позицию по отношению к истории философии, которая по необходимости включает в себя гегелевскую систему и завершается ею. Согласно Энгельсу, целое двухтысячелетнего исторического развития философии (в котором, кроме философов, приняли участие представители положительных наук о природе, деятели искусства и священнослужители, а также сама общественно-политическая история, протекавшая за то время) представляет собой формирование единого метода теоретического мышления. В ходе этого развития он из стихийно-разумной диалектики древних греческих мыслителей через рассудочную метафизику Нового времени превратился в сознательно-разумную диалектику новейшего немецкого идеализма. Идеализм в лице Гегеля возобновил диалектику как высшую форму мышления, в которой оно может постичь суммарную взаимосвязь вещей и явлений универсума. В гегелевской системе, пишет Энгельс, весь природный, исторический и духовный мир был понят как один процесс развития, причем Гегель пытался доказать внутреннее единство Вселенной, опираясь на идеалистическую трактовку тождества мышления и бытия в абсолютной идее, которая есть от века неизвестно где, но закономерно обнаруживает себя в реальности мирового процесса. Несмотря на то что действительная связь мира Гегелем как идеалистом оказалась тотально извращена, именно идеализм позволил ему создать свою систему, т. к. логической основой понимания философом процесса развития природы и духа послужило саморазвитие абсолютной идеи, подчиняющейся всеобщим диалектическим законам, ею для себя устанавливаемым. Хотя задача доказательного раскрытия всеобщей взаимосвязи данных в опыте вещей и процессов может быть решена, по Энгельсу, только

коллективными усилиями бесчисленных поколений ученых, сделавшая эпоху заслуга Гегеля заключалась в том, что он эту задачу поставил. Поэтому Энгельс именует гегелевскую систему «колоссальным недоноском» [3, с. 24], великие достоинства и недостатки которой, неотделимые друг от друга, указывают дорогу из лабиринта философских учений к быстро прогрессирующему, но никогда не достигающему конца систематическому познанию Вселенной положительными науками о природе, обществе и мышлении. Благодаря достижениям Гегеля эти науки впредь будут сами диалектическим методом получать и обобщать свои результаты, постоянно обновляя складывающуюся из них научную картину мира.

После Гегеля диалектический метод не может не быть материалистическим, ибо гегелевский идеализм, считает Энгельс, вместе с историей философии завершил философское развитие мыслящего духа вообще. Это произошло потому, что история философии, продвигавшаяся к своему конечному результату благодаря соперничеству материализма и идеализма, закончилась победой идеализма. Он, войдя в союз с монотеистической религией, подверг отрицанию естественно выросший материализм античной философии, неспособный раскрыть чистое отношение разума к материи, и метафизический, или рассудочно мыслящий, исключительно механический материализм XVIII в., для которого это отношение тоже осталось непостижимым. Отрицанием идеалистического отрицания материализма выступил диалектический материализм. Гегелевское философское учение стало, по Энгельсу, последним в своем роде (т. е. концом не только истории философии, но и философии как таковой) в силу осознания противоречия между диалектическим методом, который признает абсолютным только бесконечный процесс развития природно-духовной реальности, и идеалистической системой, обрывающей этот процесс познанием т. н. абсолютной истины. «Современный материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над прочими науками. Как только перед каждой наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней» [3, с. 25], — утверждает Энгельс. Поэтому диалектический материализм есть «вообще уже больше не философия, а простое мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках, — заключает он. — Философия, таким образом, здесь «снята», т. е. «одновременно преодолена и сохранена», преодолена по форме, сохранена по своему содержанию» [3, с. 142].

Однако для того, чтобы выполнить указанное требование, ученым предстоит заново пройти всю историю философии, чьим итогом выступил метод гегелевской системы, и тем самым усвоить все теоретические уроки, даваемые великими философами в этой школе научного мышления. Диалектически мыслили задолго до Гегеля, подчеркивает Энгельс; он только первым осознал и остро сформулировал законы диалектики, крайне широко действующие во всех областях универсума и положительного знания о нем. Поскольку же теоретическому мышлению и его законам можно научиться только в философской школе, постольку из состава «ныне покойной философии» [3, с. 27]

в живых остаются, по Энгельсу, лишь формальная логика рассудка и диалектика разума. По необходимости дополняя друг друга, они составляют единый научный метод:

Даже формальная логика представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от неизвестного к известному; то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика, которая к тому же, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения [3, с. 138].

Этим универсальным мировоззрением и является, согласно Энгельсу, современный, или диалектический материализм, выступающий, таким образом, законным наследником всего философского развития, концом которого стало идеалистическое учение Гегеля.

Вопреки положению Маркса и Энгельса о том, что время философии в виде философских систем безвозвратно прошло, т. к. их предметное содержание за исключением формальной и диалектической логики после Гегеля отошло к положительным наукам, авторитетный русский марксист Плеханов в своих «Очерках по истории материализма», увидевших свет на немецком в 1896 г., объявил диалектический материализм именно *современной философской системой*. Согласно Плеханову, история философии отнюдь не кончилась на Гегеле, но продолжилась великой философской революцией, совершенной Марксом в пятом десятилетии XIX в. В ней диалектический материализм преодолел гегелевский идеализм, заменив его философским мирозерцанием, состоящим из материалистического понимания природы и истории.

Представление об истории философии как борьбе материализма и идеализма, в которой одержал победу диалектический материализм, взял на вооружение Ленин, учившийся марксизму по трудам Плеханова. В статье «Три источника и три составных части марксизма», опубликованной в 1913 г., он характеризует марксизм как учение, которое соединяет в себе философию, политическую экономию и социализм. Вслед за своим учителем Ленин считает материализм именно философией марксизма, обогащенной достижениями немецкого идеализма, самым ценным из которых является гегелевская диалектика. Философия Маркса, пишет он там же, есть *прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии*, т. е. всего ее исторического развития, ведущего к диалектическому материализму. Однако при том, что марксизм черпает свою теоретическую истинность и практическую мощь из истории философии в целом, включающей не только материализм, но и идеализм, их противоположность непреодолима, утверждает Ленин в изданной в 1909 г. работе «Материализм и эмпириокритицизм». В области философии третьего, превосходящего эти крайности, не дано, так как материализм последовательно верен учениям естественных наук, а идеализм всегда поддерживает религию, чьи установки несовместимы с научными принципами. Поэтому с целью солидного философского обоснования современного естествознания Ленин в программной статье 1922 г. «О значении воинствующего материализма» предлагает организовать на базе журнала «Под знаменем марксизма» общество друзей гегелевской диалектики, члены которого наряду с произведениями

других великих философов будут изучать с материалистической точки зрения систему Гегеля вообще и особенно его «Науку логики».

Сочетание взаимоисключающих друг друга положений (с одной стороны, тезиса Маркса и Энгельса о смерти философии как таковой, а с другой — тезиса Плеханова и Ленина о ее дальнейшей жизни в форме диалектико-материализма) дало возможность культивировать в советской России марксистско-ленинскую философию, базируясь в первую очередь на истории классической философской мысли от Фалеса и Парменида до Шеллинга и Гегеля включительно как ее необходимой предпосылке. Поэтому в качестве образовательных институтов, специализирующихся на формировании диалектико-материалистического мировоззрения, которое коммунисты насаждали в советской России, в ведущих университетах нашей страны были заново или впервые учреждены философские факультеты, основной академической дисциплиной которых стала история философии. Для ее нужд в 1929–1959 гг. был осуществлено издание собрания сочинений Гегеля, переведенных на русский язык, а с 1963 по 1994 г. в серии «Философское наследие» вышли в свет на русском другие значимые произведения классической философии. Эти мероприятия обеспечили довольно быстрый рост советской философской культуры. Она пользовалась прямой государственной поддержкой и находилась под пристальным партийным контролем, в силу чего произведения ее деятелей волей-неволей носили марксистско-ленинскую окраску, хотя ее неофициальными лидерами стали мыслители, сумевшие актуализировать в своем творчестве мощнейший теоретический потенциал всей истории философии. Исследования системы Гегеля, а также связанной с нею тематики (в немалой степени — историко-философской) заняли в этой культуре видное место, сравнимое только с более или менее ортодоксальными изложениями марксистско-ленинской философии, но и последние нечасто обходились без обращения к гегелевскому учению.

В интервью венгерским коллегам на вопрос о его занятиях Гегелем выдающийся советский марксист М. А. Лифшиц ответил:

Если вы хотите увлечь меня в эту сторону, то позволю себе начать с одного забавного анекдота, который я слышал когда-то еще в 30-х гг. Говорят, в Ленинграде жил некто по имени Гегель, занимавшийся преподаванием немецкого языка, по преданию, один из потомков Гегеля. Человек он был веселого нрава и время от времени любил предаваться культу Бахуса, что случалось в молодости и с его предком. В подобных случаях ленинградский Гегель начинал дебоширить, и тогда соседи звали на помощь представителя местной власти — управдома. Однажды во время такого дебоша управдом сказал ленинградскому Гегелю: «Это что же такое? Твоего дедушку Маркс с головы на ноги поставил, а ты опять на голове ходишь?». Так вот и с настоящим Гегелем. За время моей жизни с ним постоянно происходило то же самое: его все время ставили с головы на ноги, а он обратно становился на голову [2, с. 275].

Этот противоречивый идейный процесс (который начался с полемики за и против включения наследия Гегеля в состав марксистско-ленинской теории, а завершился нахождением способа действительного освоения содержания гегелевской системы как логического исхода всей истории классической фило-

софии), пожалуй, эффективнее всех других внутренних факторов содействовал развитию советской философской культуры.

Во второй половине 1920-х гг. в атаку на Гегеля ринулись те, кто, выходящая из позитивистский манер все идущие от великого немецкого идеалиста положения марксизма-ленинизма, пытались выдать за материалистическую диалектику свою теорию механического равновесия противоположных сил и тенденций. К т. н. механистам были причислены, прежде всего, А. К. Тимирязев, А. И. Варьяш и В. Н. Сарабьянов, а также И. И. Скворцов-Степанов и Л. И. Аксельрод (Ортодокс). Критическое наступление на них возглавил А. М. Деборин — ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма» и автор статьи «Гегель и диалектический материализм», помещенной в первом томе собрания гегелевских сочинений. К нему примыкали Н. А. Карев, И. К. Луппол, Я. Э. Стэн и другие авторы, публиковавшиеся в этом журнале. Против «деборинцев», защищавших Гегеля (и, стало быть, против самого Гегеля), по устному указанию И. В. Сталина, данному в декабре 1930 г., ополчились М. Б. Митин и Ф. В. Константинов с их сторонниками. За Гегеля вступились В. В. Адоратский, М. А. Лифшиц и Г. Лукач, живший тогда в Москве. В 1931 г. Адоратский, опираясь на «Философские тетради» Ленина, к тому времени уже полностью опубликованные, изложил ленинское отношение к гегелевской диалектике, согласное со взглядами на нее Маркса и Энгельса. В том же году вышли в свет статьи Лифшица «Литературное наследство Гегеля» и «Эстетика Гегеля и диалектический материализм», вызванные его борьбой на два фронта — необходимостью разоблачения правой (реакционной и профашистской) западной версии гегелянства и потребностью защиты гегелевского наследия от нападок слева, отрицавших положительное значение содержания логики Гегеля для решения задач послереволюционного строительства в нашей стране. Лукач в своем обширном труде «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества», написанном в 1938 г. и через десять лет после доработки опубликованном на немецком в Швейцарии, раскрыл связь взглядов Гегеля с революционным взрывом его эпохи, вдохновившим мыслителя на разработку системы, а также с английской политической экономией и философскими исканиями раннего Маркса, открытыми в СССР в 1930-е гг., а не во Франции и Германии после Второй мировой войны, как принято считать на Западе.

Господству свирепой ортодоксии, для которой непререкаемым образцом марксистско-ленинской философии стала работа И. В. Сталина 1938 г. «О диалектическом и историческом материализме», популярно толковавшая диалектику как сумму примеров, в феврале 1956 г. был положен предел. После доклада Н. С. Хрущёва XX съезд Коммунистической партии Советского Союза принял постановление о преодолении культа личности и его последствий, что заметно оздоровило всю духовную атмосферу и открыло перед деятелями советской философской культуры закрытые ортодоксией перспективы. Поэтому с той поры начался новый, последний и наиболее плодотворный этап освоения гегелевского учения в СССР, продлившийся до конца 1980-х гг.

С известной долей условности, присущей всякой классификации, произведенные в тогда работы, предметом которых было гегелевское учение, делятся на четыре вида. Первый вид этих произведений можно назвать знакомящими

читателя с содержанием учения Гегеля, второй — критическими или, по мере возможности, академически нейтральными, третий — использующими историко-философский потенциал, сконцентрированный в его идеалистической системе, для дальнейшей разработки материалистической диалектики и коммунистического мировоззрения, а четвертый — продолжающими дело логической философии, начатое Гегелем в конце исторического развития классической философии мысли. Из их числа обратим внимание лишь на работы, которые, несмотря на принятые в то время идеологические условности, до сих пор сохраняют, на наш взгляд, свое значение (правда, в различной мере, а иногда даже — отчасти или целиком — в качестве отрицательной инстанции).

Примером стремления к корректному изложению жизни, деятельности и учения Гегеля служит книга М. Ф. Овсянникова «Философия Гегеля» (М., 1958), сокращенным изложением которой стал его «Гегель» из серии «Мыслители прошлого» (М., 1971). Кроме нее к первому виду работ принадлежит монография В. И. Шинкарука «Логика, диалектика и теория познания Гегеля» (Киев, 1964), чье достоинство состоит в показе связи мировоззрения Гегеля с идеями Реформации, а также с учениями Фихте и Шеллинга.

Раньше других работ второго вида вышла книга К. С. Бакрадзе «Система и метод Гегеля» (Тбилиси, 1958), где гегелевское учение рассматривается с точки зрения тождества и противоречия между его системой и методом. В. Ф. Асмус в работе «Проблема интуиции в философии и математике» (М., 1963), критикуя Гегеля, вслед за И. А. Ильиным отождествляет начало гегелевской диалектики непосредственности и опосредствования с интеллектуальным созерцанием у Фихте и Шеллинга. Гегелевская «Наука логики», воспринятая и трактуемая с кантовской точки зрения, стала предметом критического анализа в работе М. К. Мамардашвили «Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах мышления)», изданной в 1968 г. в Москве. А. И. Маилов и М. Х. Хасанов в работе «Философские категории и познание» (Ташкент, 1974) демонстрируют связь системы Гегеля с историей философии, интерпретируя наиболее важные исторически выступившие философские учения как попытки мышления по принципу той или иной категории его «Науки логики». Более объективный, чем у Мамардашвили, характер имеет историческое изложение содержания в монографии Н. В. Мотрошиловой «Путь Гегеля к «Науке логики»» (М., 1984), автор которой не только критикует западное (главным образом, немецкое) гегелеведение 1960–1970-х гг., но и использует его результаты.

Как бы охранной грамотой для работ третьего вида стала монография М. М. Розенталя «Принципы диалектической логики» (М., 1960). Под его редакцией и с его предисловием в Москве в том же году вышла в свет знаменитая «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса» Э. В. Ильенкова, давшего в этой книге философский анализ диалектического метода политической экономии как положительной науки. Обратившись затем к трудам Платона, Гегеля и Маркса, Ильенков разработал и изложил во втором томе «Философской энциклопедии» (М., 1962) и ряде позднейших статей оригинальное понятие идеального, а в своей «Диалектической логике» (М., 1974) соединил историю логики от Аристотеля до Гегеля включительно с ее марксистско-ленинской теорией. П. В. Копнин в небольшой монографии

«Идея как форма мышления» (Киев, 1963) первым специально исследовал роль идеи в системе Гегеля и в научном познании. Вслед за Ильенковым против позитивистского истолкования положительных наук за их исследование с классической философской точки зрения выступил В. С. Библер. В коллективном труде «Анализ развивающегося понятия» (М., 1967) он представил понятие как логическую форму развития эмпирической науки и на материале античной механики рассмотрел генезис понятия механического движения. Л. К. Науменко сделал себе имя монографией «Монизм как принцип диалектической логики» (Алма-Ата, 1968), закрепив ее результаты статьей «Диалектика Гегеля и системный подход» (журнал «Философские науки», 1974, № 4). Эстетические взгляды Гегеля и другие важнейшие проблемы, вызвавшие его учение и вытекающие из него, продолжил исследовать М. А. Лифшиц, успев до внезапной кончины подготовить трехтомное собрание своих сочинений, изданное в Москве в 1984–1988 гг.

Труды четвертого вида принадлежат исключительно Е. С. Линькову. В середине 1960-х гг. он приступил к логическому снятию истории философии от Парменида до Гегеля включительно. Определенный этап этой работы представлен его монографией «Диалектика субъекта и объекта в философии Шеллинга» (Л., 1973). В статье «Всеобщая диалектика как основание и результат отношения мышления и бытия в философии Гегеля», опубликованной в журнале «Вестник ЛГУ» (Сер. Экономика, философия, право, 1984, № 11, вып. 2), значительная часть которой вошла в его вступительную статью «Становление логической философии» к обновленному изданию «Науки логики» Гегеля (СПб., 1997), Линьков сформулировал принципиальное различие между опытом как процессом истины, стихийным отношением мышления и бытия, и философией как познанием истины, отношения мышления и бытия, субъекта и объекта. Именно это познание осуществляется в ходе исторического развития философии, а в гегелевском учении достигает логической формы. Первый из двух семестров своего курса лекций по истории классической немецкой философии на философском факультете Ленинградского-Санкт-Петербургского государственного университета Линьков в 1988–1994 гг. отводил *феноменологическому введению* в понятие философии, где он по примеру Гегеля сознательным способом разрешал противоречие между опытом в целом (включающим в себя, наряду с обыденным и научным сознанием, искусство и религию) и философским познанием истины. Сохраняя в своей логической форме истинное содержание опыта, философия, согласно Линькову, становится необходимым условием формирования действительно современного мировоззрения, ибо такое мировоззрение может быть только философским.

Постсоветская философская культура начиная с 1990-х гг. в исследованиях проблематики, относящейся к Гегелю, обнаруживает две противоположные друг другу тенденции. Одну выражают совместная работа М. Ф. Быковой и А. В. Кричевского «Абсолютная идея» (М., 1993) и их отдельные исследования — написанная Быковой «Мистерия логики» (М., 1996) и монография Кричевского «Абсолютный дух сквозь лики триединства: Сравнительный анализ философско-теологических концепций Гегеля и позднего Шеллинга» (М., 2011). Эта тенденция порывает с марксизмом и вслед за Асмусом отчасти

возвращается на позиции мыслителей Серебряного века, в т. ч. вышеназванного Ильина, отчасти же соединяет их с интенциями современного западного философствования.

Представители другой тенденции стремятся наследовать лучшее в советской философской культуре и продолжить развитие русской мысли на базе освоения истории философии, вершиной которой является гегелевское учение. Эта тенденция реализуется в монографиях О. Ю. Сумина «Гегель как судьба России: История русско-советской философии и философия русско-советской истории» (первое издание — София, 1997; второе, исправленное и дополненное — Краснодар, 2005), Д. В. Масленникова «Природа логического в немецкой философии» (СПб., 1998) и «Природа логического в философии абсолютного идеализма: Гегель и Фихте» (СПб., 2011), В. В. Макарова «Развитие понятия свободы в философской традиции» (СПб., 2008) и А. Н. Муравьёва «Философия и опыт: Очерки истории философии и культуры» (СПб., 2015), а также в диссертациях и статьях И. А. Батраковой, П. Е. Бойко, А. А. Иваненко и А. Л. Пестова. К тому же направлению примыкает В. Д. Рута в своей монографии «Развитие концепции доказательства в философии Гегеля» (М., 2005). Несколько иную, хотя и близкую к этой тенденции задачу ставит перед собой С. Н. Труфанов в «Грамматике разума» (Самара, 2003), написанной как доступное для современных читателей изложение гегелевской «Энциклопедии философских наук».

Для полноты обзора нельзя не назвать ранее не публиковавшиеся произведения М. А. Лифшица, Э. В. Ильенкова и Е. С. Линькова. Материалы архива Лифшица по инициативе В. Г. Арсланова изданы, кроме уже указанного тома «О Гегеле» (М., 2012), под названиями «Поэтическая справедливость: Идея эстетического воспитания в истории общественной мысли» (М., 1993), «Диалог с Эвальдом Ильенковым: Проблема идеального» (М., 2003), «Что такое классика?» (М., 2004), «Varia» (М., 2010), «Переписка Мих. Лифшица и Д. Лукача: 1931–1970» (М., 2011) и «Письма В. Досталу, В. Арсланову, М. Михайлову. 1959–1983 гг.» (М., 2011). Труды Ильенкова «От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960» (М., 2017), «Абстрактное и конкретное: Собрание сочинений. Т. 1» (М., 2019), «Категории: Собрание сочинений. Т. 2» (М., 2020) вышли в свет при участии Е. Э. Иллеш и А. Д. Майданского. «Лекции разных лет по философии» Линькова, первые два тома которых появились в Санкт-Петербурге в 2017 и 2018 гг., стали достоянием публики стараниями А. Л. Пестова, поддержанными И. А. Батраковой и А. Н. Муравьёвым (готовится к выходу третий том).

Подводя итог сказанному, остается заключить, что судьба наследия Гегеля в советской и постсоветской России складывается иначе, чем в западной философской культуре XX–XXI вв., которая тоже вносит посильный вклад в его изучение. Отечественные исследования этого наследия отличаются от зарубежных в лучшую сторону тем, что их авторы, даже если они осознают недостатки марксистской традиции отношения к Гегелю, осваивают гегелевскую систему на базе истории философии в целом, всё более адекватно постигая как ту, так и другую. Тем самым они совершают необходимый шаг от филодоксии (т. е. от любви ко мнениям тех или иных мыслителей) к настоящей

философии, поскольку ее дальнейшее, логическое развитие невозможно без освоения исторического развития классической философской мысли, чьим венцом стала гегелевская система. Эта система венчает историю философии потому, что в ней содержится открытый Гегелем вполне разумный логический метод теоретического мышления, который имеет ни с чем не сравнимую практическую ценность, ибо он способен разрешать имманентные противоречия истины как абсолютного содержания познания природы всех вещей и отношений — противоречия, ставящие рассудок (в его человеческой и в его искусственной, цифровой форме) в безвыходный тупик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батракова И. А. Проблема всеобщего в русской философии XIX–XX веков // Наследие Гегеля в истории философии и культуры: к 250-летию со дня рождения философа: сб. науч. статей / отв. ред. А. Н. Муравьев, А. А. Иваненко. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. — С. 127–141.
2. Лифшиц Мих. О Гегеле. — М.: Грюндриссе, 2012. — 304 с.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. — Т. 20. — С. 5–342.